

На следующий день была суббота. Я проснулась позже обычного. Первым делом после пробуждения посмотрела на ожерелье у подушки. Кулон лежал рядом, и крошечные точки света внутри него всё так же двигались — медленно, словно вода колышлась на дне. Я взяла его и надела, серебряная цепочка скользнула вниз, а драгоценный камень прижался к ладони, будучи ни холодным, ни тёплым.

— Синье, — позвала я.

Никто не откликнулся.

Я встала и умылась. Чистя зубы, посмотрела в зеркало: тёмно-синий камень у ворота покачивался в такт движениям. Выплюнув пену и вытерев лицо, я обратилась к отражению:

— Если ты меня слышишь, просто моргни.

Кулон не моргнул. Он в принципе не умел моргать.

Позавтракав, я принялась перебирать вещи бабушки. Большую часть её наследства уже разобрали, но оставалось то, к чему ещё не прикасались — стопка старых фотоальбомов под телевизионной тумбой. Я присела на корточки и стала вытаскивать их одну за другой, тяжелые книги с обложками, загнутыми по краям от старости. Первая была про моё детство, вторая — про бабушкину юность, а третья оказалась ещё древнее, в ней хранились снимки, которых я раньше никогда не видела.

Я принялась листать второй альбом страница за страницей. Бабушка в платье в цветочек, стоящая у входа в парк, её совместные фотографии с друзьями. Я искала вполне конкретную вещь: в ту ночь, когда бабушка перелистывала альбомы, я мельком заметила снимок, где она была запечатлена с тем самым ожерельем.

Дойдя до третьей страницы с конца, я замерла. Бабушке там было около двадцати с небольшим, волосы чёрные, она стояла в незнакомом мне месте. Позади расстилалась огромная гладь воды — синяя, отражающая небо. На ней была надета белая рубашка, а на шее висело ожерелье. Серебряная цепочка, тёмный кулон, который при вспышке фотоаппарата бликовал, так что деталей не разглядеть. Но я знала: это именно то ожерелье, что сейчас висело у меня на шее.

Я вытащила фотографию и перевернула. На обороте шариковой ручкой было выведено мелким почерком: «Море Падающих Звезд, двадцать пять лет».

У меня пальцы невольно сжались. Море Падающих Звезд — именно это место вчера упоминала Синье.

Усевшись на диван с фотографией в руках, я снова и снова разглядывала её. На снимке

бабушка улыбалась так счастливо, гораздо счастливее, чем на любом из более поздних кадров, и эту её улыбку я даже с трудом узнавала. Она стояла перед той синей водной гладью так, словно оказалась в самом безопасном и спокойном месте на всём белом свете.

Я приложила снимок к ожерелью, сравнивая. Размер, цвет, форма кулона — всё совпадало.

Третий альбом оказался ещё старше, между его страницами были заложены пожелтевшие клочки бумаги и засушенные листья. На середине книги выпала маленькая записка, на которой рукой бабушки — почерк был точно такой же, как в письме — было выведено: Море Падающих Звезд — это не море. Это место, где спят звезды.

Сжимая эту записку в руке, я просидела так очень долго. Она никогда мне об этом не рассказывала. Ни единого слова.

Около двух часов дня я сидела на диване, погрузившись в оцепенение. Ожерелье вдруг слегка нагрелось, это было не жжение, просто изменилась температура — будто кто-то приложил ладони к обратной стороне камня. Я опустила взгляд: точки света внутри ускорились, скорость их вращения заметно возросла. А затем раздался голос, более отчётливый, чем в предыдущие разы.

— Ты... нашла.

Это был голос Синье. Он всё ещё звучал будто сквозь преграду, но уже не такой приглушённый, словно в двери приоткрылась щель.

— Что нашла? — тихо спросила я.

— Фотографию.

— Откуда ты знаешь, что я нашла фотографию?

— Я... почувствовала. Когда ты коснулась её...

Голос прервался секунды на две, а затем продолжился:

— Море Падающих Звезд... твоя бабушка... бывала там.

— Зачем она туда ходила?

— Она была... последней, кто видел меня.

Я крепче сжала кулон, ладони вспотели.

— Что значит «последняя, кто видел тебя»? Разве сейчас ты не видишь?

Наступила долгая-долгая тишина, такая долгая, что я уже подумала, будто связь снова оборвалась. Затем она произнесла:

— Меня заперли.

— Кто тебя запер?

— ...Я сама.

Я ничего не поняла.

— Ты сама себя заперла?

— Когда Море Падающих Звезд рухнуло... я заперла дверь изнутри.

После этих слов её голос начал отдаляться, словно она сделала несколько шагов назад. Я торопливо крикнула:

— Подожди! Объясни толком — зачем ты заперла дверь? Как её открыть?

— Ключ...

Голос звучал всё дальше и дальше.

— Ключ... у твоей бабушки...

И связь окончательно оборвалась. Температура кулона спала, точки света вернулись к прежней, медленной скорости вращения.

Я сидела на диване, сжимая в руке записку, и снова и снова прокручивала в голове те несколько фраз. Её заперли. Она сама заперла дверь. Ключ у моей бабушки. Бабушка никогда ничего мне не рассказывала о ключе.

Я отложила ожерелье и вбежала в бабушкину комнату. Впервые за полгода толкнула эту дверь. Кровать застелена аккуратно, на столе стоит ночник, все ящики закрыты. Я открыла самый нижний ящик письменного стола: старая шкатулка для рукоделия, начатые блокноты,

несколько высохших ручек. Обыскала все ящики — ключа нигде не было.

Стоя посреди комнаты, я тяжело дышала. И тут вспомнила надпись на той записке: «В коробке лежит ожерелье», но там не было ни слова о том, что в коробке находится что-то ещё.

Я бросилась обратно в гостиную, схватила чёрную шкатулку и перевернула её вверх дном. Под бархатной подложкой нащупалось что-то твёрдое; поддев бархат, я заглянула внутрь — на дне обнаружилось крошечное углубление, а в нём лежал старый ключ. Медный, покрытый ржавчиной, совершенно не похожий на обычные ключи. Ещё меньше, ещё древнее, с затупленными зубцами.

Я вытащила его и положила на ладонь. Совсем маленький ключик, будто от какой-то шкатулки для драгоценностей.

Сидя на полу, я почувствовала, как ожерелье у ворота снова качнулось — гораздо резче, чем в любой из предыдущих раз, словно живое сердце.

— ...Она действительно оставила ключ мне, — тихо произнесла я.

Камень снова вспыхнул.

<http://bllate.org/book/21191/2145499>